

4(2=642)6

47

09951

ДОНДОК УЛЗЫТУЕВ



АЯ ГАНГА

**АЯ
ГАНГА**

84(2=642)6

У47

ДОНДОК УЛЗЫТУЕВ

АЯ ГАНГА

КНИГА СТИХОВ

ПЕРЕВОДЫ
С БУРЯТСКОГО

Д. Доржиев
И. Келамжы -

С. Семин

Т. Тендеев
В. С. Макашкин

О. Ойунский
Совместных переводов

109951

Буфетин

МАУ ЦБС
г. Улан-Удэ

«СОВРЕМЕННОСТИ» МОСКВА, 1974

С. Е. Е. Е. Е.

У48
С(Сиб)

Составитель *Николай ДАМДИНОВ*

Улзытуев Дондок.

У48. Ая ганга. Стихи. Пер. с бурятского. М.,
«Современник», 1974.

215 с.

Раздумья о судьбах поколений, слово любви к родной Бурятии, ее суровой природе, к ее трудолюбивым людям—таков мир книги рано ушедшего из жизни бурятского поэта Д. Улзытуева. Стихи Д. Улзытуева даны в переводах известных советских поэтов — М. Светлова, Евг. Евтушенко, Ст. Куняева и других.

У $\frac{70403-190}{M106(03)-74}$ 188—74

С (Сиб)

СЛОВО О ДРУГЕ

Чуть ли не пятнадцать лет тому назад черноголовый бурятский юноша пришел к Ярославу Смелякову и показал ему подстрочные переводы своих стихотворений. Смеляков, прочитав их, пришел в такой восторг, что серьезно решил напечатать эти подстрочники, так сказать, в «натуральном» виде, настолько они «сочились» и дышали поэзией. «Пятнадцать песен» были переведены поэтом Евг. Евтушенко и увидели свет в журнале «Дружба народов». Таким блистательным был дебют Дондока Улзытуева в Москве...

К югу от Улан-Удэ в окруженьи бескрайних бурятских степей и плавных холмистых возвышений на берегу небольшой речушки стоит древний бурятский улус Шибертуй. Здесь прошли детство и юность поэта, здесь до сих пор живут его родные, его старая мать.

А когда я бродил босиком
по крутым берегам Шибертуя,
и за радугой бегал бегом,
и свистел, подражая синицам,
молчаливый старик Шойсорон
повстречал мою мать и промолвил:
— Либо станет сказителем он,
либо просто чудным человеком.

Дондок Улзытуев стал сказителем—то есть поэтом. Поэтом особого склада—новатором в бурятской поэзии. Но в чем же заключается его своеобразие и почему Улзытуева, несмотря на его короткую жизнь—прожил он всего тридцать шесть лет, — считают своим учителем бурятские поэты следующего за ним поколения?

Во-первых, он с величайшим инстинктом истинного художника относился к творческому наследию предков. Недаром многие его стихи стали народными песнями, недаром преданья и легенды когда-то кочевого народа были для него открытой книгой. Но одновременно Улзытуев щедро открыл доступ в свою поэзию приметам